

А. И. Мищенко

OCRID: 0000-0002-9653-321X

✉ aimischenko_3@edu.hse.ru

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Россия, Москва)

ПРОБЛЕМА АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОГО ЭТАПА ИСТОРИИ ХЕТТСКОГО ЦАРСТВА: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. Целью статьи являются комплексное исследование и систематизация зарубежной и отечественной литературы, посвященной ключевым хеттским поселениям, в аспекте проблемы кризиса Хеттского царства на рубеже XIII–XII вв. до н. э. по данным археологии. В связи с отсутствием в современной отечественной литературе обобщающих историографических сводок по этому вопросу, а также в свете большого количества новых археологических данных, которые с начала 2000-х годов появляются в результате раскопок в Турции, назрела реальная потребность в анализе этих материалов, благодаря которым можно по-новому взглянуть на феномен упадка позднебронзовой цивилизации Анатолии. Основными источниками работы стали отчеты об археологических разведках и раскопках на территории Центральной Анатолии, статьи в академических журналах и сборниках, а также монографии. Проанализированные материалы позволили выделить несколько этапов развития историографии и показать необходимость постепенного соотнесения нового археологического материала из поселений Центральной Анатолии с письменными источниками для более комплексного понимания событий позднего бронзового века и раннего железного века в данном регионе.

Ключевые слова: падение Хеттского царства; катастрофа позднебронзового века; археология коллапса, археология Анатолии, ранний железный век, поздний бронзовый век, миграция народов моря, Хатгуса, Гордион, Ушаклы-хёюк, Каман-калехёюк

Для цитирования: Мищенко А. И. Проблема археологического изучения заключительного этапа истории Хеттского царства: историографический аспект // Шаги/Steps. Т. 8. № 4. 2022. С. 47–62. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2022-8-4-47-62>.

Статья поступила в редакцию 3 июля 2022 г.
Принято к печати 5 августа 2022 г.

A. I. Mishchenko

ORCID: 0000-0002-9653-321X

✉ aimischenko_3@edu.hse.ru

National Research University

Higher School of Economics (Russia, Moscow)

THE PROBLEM OF ARCHAEOLOGICAL STUDY OF THE FINAL STAGE OF HITTITE KINGDOM HISTORY: HISTORIOGRAPHICAL ASPECT

Abstract. The purpose of this research is to study and systemize foreign and Russian literature on key Hittite settlements in terms of the problem of the crisis of the Hittite Kingdom at the turn of the 13th–12th centuries B. C. Due to a lack of generalizing historiographical summaries on this issue in modern Russian scholarship, as well as in view of the large number of new archaeological data that have appeared since the early 2000s as a result of modern archaeological excavations in Turkey, there appeared a real need for analysis of the latest materials, thanks to which a new outlook on the phenomenon of the decline of the Late Bronze Age civilization of Anatolia is possible. The main sources of this study consist primarily of archaeological surveys and excavation reports from Hittite settlements in Central Anatolia, articles from academic journals and research series and monographs. The analyzed data made it possible to identify several stages in the development of historiography and to show the need for a gradual correlation of new archaeological materials from settlements in Central Anatolia with known written sources in order to reach a more comprehensive understanding of the events of the Late Bronze Age and the Early Iron Age in Anatolia.

Keywords: the fall of the Hittite Kingdom, the Late Bronze Age collapse, archaeology of collapse, Anatolian archaeology, Early Iron Age, Late Bronze Age, Sea People migration, Hattusa, Gordion, Uşaklı Höyük, Kaman-Kalehöyük

To cite this article: Mishchenko, A. I. (2022). The problem of archaeological study of the final stage of Hittite Kingdom history: Historiographical aspect. *Shagi / Steps*, 8(4), 47–62. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2022-8-4-47-62>.

Received July 3, 2022

Accepted August 5, 2022

Проблема упадка и последующего коллапса Хеттского царства в XII в. до н. э. в рамках общеприближенно-восточного кризиса, известного как катастрофа бронзового века, на данный момент все еще остается неразрешенной, а история начала раннего железного века в Анатолии по большей части неизвестна. Во многом это связано с отсутствием достаточного количества письменных источников. Острая нехватка данных объясняется коллапсом Хеттского царства и, соответственно, исчезновением хеттской письменности, широко распространенной на территории древней Анатолии, которая охватывала внушительную часть территории Малой Азии.

Можно утверждать, что современная историческая наука не располагает письменными данными о кризисе и падении Хеттского царства, которые были бы оставлены самими хеттами, так как их архивы прекращают функционировать за несколько десятилетий до краха самого государства. Как отмечает в своей новейшей статье Дж. Миллер, мы бы не знали, какая судьба постигла Хеттское царство, если бы исходили только из данных хеттского письменного корпуса: он не содержит никаких указаний на надвигающийся коллапс [Miller 2020]. В такой ситуации исследователям приходится обращаться к письменным источникам неанатолийского происхождения.

Самыми известными источниками такого плана считаются надпись египетского царя Рамсеса III из погребального храма в Мединет-Абу и некоторое количество клинописных источников из Сирии и Верхней Месопотамии, в частности, письма из угаритского архива. Что касается надписи Рамсеса, этот источник ограничен не только идеологическими представлениями, но и временной и географической удаленностью от описываемых событий. Если же говорить о письмах из Угарита, то из-за нехватки просопографических данных их датировка остается неясной [Freu 2006: 234–248].

Отсюда следует, что совокупность письменных источников, которые могли бы пролить свет на причины и процесс падения Хеттского царства, весьма незначительна по объему. Содержательная ценность этого корпуса также невелика, а порой и сомнительна. Однако пробелы в истории, обусловленные дефицитом письменных свидетельств, часто могут быть заполнены благодаря археологическим данным. А в контексте вопроса о коллапсе Хеттской империи и его причинах информация, полученная из археологических раскопок, особенно важна, так как именно в рамках археологии осуществляется интерпретация первичного материала, на основе которой в дальнейшем выстраиваются в том числе и реконструкции процесса упадка древних культур. Кроме того, за последние 20 лет было сделано множество новых археологических открытий благодаря большому количеству материалов, полученных различными исследователями в ходе длительных археологических кампаний на территории Турции.

В целом выводы и достижения археологов недостаточно отражены в общей литературе по истории краха Хеттского царства. Поэтому целью данной статьи является систематизация археологической литературы, посвященной ключевым хеттским поселениям в Центральной Анатолии, и прежде всего кризису Хеттского царства на рубеже XIII–XII вв. до н. э. При написании данной статьи выбор специализированной литературы для каждого рассматриваемого телья был продиктован двумя условиями: степенью изученности памятника и репрезентативностью данных в рамках проблематики падения Хеттского

царства. Таким образом, география исследования ограничена центральными областями Анатолии. Там располагались важнейшие хеттские города, упадок которых сыграл определяющую роль в гибели державы. В качестве основных географических объектов выбраны следующие крупные памятники: Богазкёй (Хаттуса), Ушаклы-хёюк (Циппаланда), Яссы-хёюк (Гордион). Помимо этого, были привлечены данные из менее значимых, периферийных городов, таких как Чадыр-хёюк и Каман-калехёюк, находившихся в орбите влияния более крупных поселений.

Археологическое изучение данной местности началось давно и продолжается до сих пор. Более того, с начала 2000-х годов археологическое исследование хеттских древностей стало более интенсивным. В результате был накоплен значительный новый материал, в особенности по финальному этапу истории Хеттского царства. Однако, несмотря на обилие этого материала, он еще не подвергался тщательной систематизации, хотя попытки его обзора предпринимались [Alaşa 2020: 11]. Изучением причин падения Хеттского царства занимались не только археологи, но и историки. Вместе с тем историческая литература о финале Хеттского царства, как правило, отличается лаконичностью, избирательностью и смещением результатов, полученных представителями разных дисциплин — истории и филологии, с одной стороны, и археологии, с другой.

Можно констатировать крайнюю малочисленность монографий исторической направленности по хеттской тематике, написанных археологами. Одно из немногих исключений составляет книга А. Шахнера по истории Хаттусы. Характерно, что вопросу гибели хеттского поселения в Хаттусе автор посвящает всего четыре страницы, на которых приходит к весьма традиционным выводам, опирающимся прежде всего на данные письменных источников: внутрисполитические, экономические (вследствие климатических изменений), демографические трудности подточили стабильность внутри Хеттского царства, в результате чего был запущен процесс упадка, занявший несколько десятилетий [Schachner 2011: 109–114].

Говоря о центральной области исследуемого региона, можно выделить три крупных памятника, по материалам раскопок которых сделать определенные выводы о характере событий, происходивших на рубеже позднебронзового и раннежелезного века. В первую очередь это столица Хеттского царства Хаттуса, остатки которой сейчас расположены возле турецкой деревни Богазкёй. Этот памятник был предметом длительного археологического изучения. Уже с 1906 г., после экспериментальных несистематических раскопок Ш. Тексье и Э. Шантра, Х. Винклер и Т. Макриди провели серьезную работу по изучению города. Затем началась череда крупномасштабных археологических раскопок памятника под эгидой Немецкого института археологии, среди руководителей которых были такие известные археологи, как К. Биттель, П. Неве и Ю. Зеер. Археологическое изучение Хаттусы и ее окрестностей продолжается и сейчас под руководством А. Шахнера. В процессе раскопок была исследована территория цитадели (Бююккале), часть Верхнего города, включая комплекс «Храмового квартала», а также Нижний город и поселение Бююккая.

Во время своих раскопок Биттель первым изучил слои, которые связал с падением города в конце бронзового века. Используя в качестве датирующего

элемента в основном керамический материал, он и его коллеги смогли обнаружить горизонты, синхронные с финалом Хеттского царства, что позволило им выдвинуть первые гипотезы о причинах и обстоятельствах падения хеттской столицы.

Остатки пожаров на территории города, которые Биттель определил как единый слой катастрофических разрушений, натолкнули его на мысль, что Хаттуса пала в результате вооруженного захвата [Bittel 1976: 41]. Вслед за Биттелем эту гипотезу развивали многие исследователи вплоть до конца 1990-х годов. Более того, она удачно увязывалась с изученными и доступными на тот момент письменными источниками.

Изначально вслед за исторической традицией, устоявшейся в хеттологии с конца XIX в., захват города приписывался « народам моря », известным по надписям египетских царей Мернептаха и Рамсеса III из Мединет-Абу. Затем К. Штробель предположил, что за разрушение города были ответственны фригийцы [Seeher 2010: 221]. Сам же Биттель в конечном итоге очень аккуратно определял возможных разрушителей столицы. По его мнению, это могли быть как « народы моря », так и, например, каски [Bittel 1976: 48].

Позже, уже после раскопок Неве и Зеера, эта гипотеза была переосмыслена. Изучая новые и пересматривая старые материалы, Зеер установил, что она недостаточно обоснована. Он кардинально пересмотрел контекст и содержание разрушений конца бронзового — начала железного века в Хаттусе и пришел к неожиданным выводам. Он уточнил, что на самом деле единого горизонта пожара не было, а имели место лишь локальные пожары на территории Верхнего города, в средней части комплекса, примыкающего к Большому храму, и частично в средней части квартала, располагающегося к западу от Большого храма [Seeher 2001: 632].

Зеер отметил, что, хотя следы возгораний действительно присутствуют в слоях конца бронзового века, в них нет ни оружия, ни сожженных костей скота, ни останков убитых и т. д. Кроме того, в руинах монументальных зданий отсутствовали какие-либо остатки материальной культуры, и это позволяет предположить, что они уже не использовались к началу пожаров. Такая картина свидетельствует скорее о систематическом разграблении этих помещений жителями города уже после того, как они были заброшены, чем о разбойном грабеже во время захвата поселения [Seeher 2001: 628]. Не менее важен и тот факт, что значительная часть города не была затронута пожаром [Ibid.: 633].

Кроме того, Неве обнаружил, а Зеер позже подтвердил, что часть храмов (15 из 27) в Верхнем городе Хаттусы перестали действовать и были оставлены до финала хеттского периода [Seeher 2001: 632]. Часть их в позднем бронзовом веке была разобрана на строительные материалы для укрепления крепостных и городских стен и построек. Зеер отмечал, что город постепенно приходил в упадок еще в эпоху хеттов. Был ли это симптом упадка одной лишь столицы или же показатель общего кризиса империи?

Эти наблюдения натолкнули Зеера на мысль, что на самом деле Хаттуса вовсе не была разрушена каким-либо внешним врагом, а была оставлена ее населением и постепенно пришла в запустение. Он предположил, что царская семья еще до падения государства переместилась в другой город, подобно тому как это произошло во времена правления Муваталли II [Seeher 2011:

221]. Этому также могла способствовать сейсмическая активность, о чем свидетельствуют находки «волнообразных стен» на территории города [Schachner 2020: 24].

Вместе с царем город покинули чиновники со жрецами, ремесленники и люди, которые напрямую зависели от них и их деятельности. Таким образом, Хаттуса потеряла свои столичные функции и перестала быть религиозным и административным центром. И хотя малая часть населения все же осталась в городе, Хаттуса уже не имела прежнего значения, а сам по себе, без столичного статуса этот город не мог долго существовать: в нем лишь аккумулировались ресурсы, которые стекались со всего государства, но не производились.

О дальнейшей судьбе города однозначно можно сказать лишь, что жизнь в поселении продолжалась и в начале раннего железного века, но уже не на территории Бююккале. Во время раскопок Биттель установил, что на этой территории явно появились некие жители. Были ли это хетты, которые не покидали город вообще, или те, которые вернулись, чтобы повторно заселить Хаттусу, или все же абсолютно новые поселенцы?

Хеттское население действительно могло остаться, а покинули город лишь люди, которые напрямую зависели от функционирования административной системы и с ее распадом утратили средства к существованию из-за прекращения спроса на их услуги [Seeher 2001: 628]. Об этом может свидетельствовать продолжение хеттских традиций в изготовлении керамики [Genz 2003: 187], даже несмотря на явное ухудшение ее качества и на постепенный отказ от гончарного круга. Появление новых типов керамики в виде сосудов с геометрическим красным орнаментом Генц связывает с возвратом к местным раннебронзовым традициям, а не со сменой населения [Ibid.: 187].

Другое объяснение — заселение неких пришельцев после полного или частичного ухода хеттов из города. Вполне возможно, что это были каски, учитывая увеличение количества пряслиц, бывших крайне редкой находкой для слоев среднего и позднего бронзового века в Богазкёе [Seeher 2010: 224]; к тому же касков в своих письменных источниках хетты называли «прядильщиками льна» [Glatz, Matthews 2005: 57]. У них был еще один, данный им хеттами эпитет — «свинопасы» [Ibid.: 57]. Между тем археологи отмечают резкое увеличение доли свиных костей (с 2,4 до 5,4%) среди костных останков в новом поселении раннего железного века на территории Бююккая, на месте бывшей хеттской столицы.

Таким образом, по версии Зеера, одного из основателей нового подхода в археологии хеттской столицы, «день матери» (так хетты называли смерть) для Хаттусы растянулся на долгие годы. С наступлением кризиса в столичном городе и оттоком из него элит в центральных областях царства был запущен процесс постепенной политической и хозяйственной трансформации. Эта гипотеза со временем обрела немало сторонников, и на данный момент исследователи, занимающиеся изучением падения Хеттского царства, постепенно переходят к переосмыслению причин этого феномена [Alaura 2020: 11].

Тем более что данные из других теллей, расположенных в окрестностях столицы, таких как Аладжа-хёюк и Машат-хёюк, в целом не вписываются в парадигму неожиданного уничтожения, сопряженного с насильственным захватом города некими пришельцами. Х. Кошай, Р. Арык и М. Акок, занимав-

шиеся раскопками Аладжа-хёюка, расположенного всего в двадцати пяти километрах к северо-востоку от Хаттусы, пришли к выводу, что на протяжении всего периода заселения этого города хеттами (четыре строительных горизонта) в нем происходили пожары. Самым важным в проблеме падения Хеттского царства является наблюдение археологов о финальном пожаре [Koşay, Akok 1947: 152], который, по их мнению, и прекратил жизнь в поселении до прихода новых жителей. При этом они не уверены насчет этнического происхождения этих людей и не исключают возможность, что в начале железного века произошло повторное заселение руин города хеттами — выжившими жителями или же мигрантами с других поселений. Керамика, найденная в слоях после конца Хеттского царства, обладает определенным сходством с материалом, найденным в постхеттских слоях Богазкёя, Алишара и Пазарлы [Ibid.: 157], что также наталкивает на мысль о культурной общности жителей Аладжа-хёюка раннего железного века с жителями упомянутых выше теллей.

К сожалению, сравнивать слои Аладжа-хёюка и других поселений Центральной Анатолии, а тем более говорить о синхронности их слоев разрушений очень трудно. Это прежде всего связано с тем, что для этого поселения относительная хронология была разработана в основном по архитектурным остаткам. Кроме того, значительные пробелы в описании мест нахождения отдельных датирующих артефактов делают задачу построения четкой хронологии для этого памятника крайне непростой [Mielke 2011: 1041]. Поэтому сказать, точно ли был этот пожар делом рук «народов моря», тем более не представляется возможным из-за отсутствия точных датировок.

Что касается Машат-хёюка, третий этап заселения в бронзовом веке, наступивший после правления Суппилулиумы I, был незначительным по своим масштабам. В скромных по размерам жилых постройках на склоне холма, возведенных на месте бывшего хеттского монументального здания и просуществовавших вплоть до прихода фригийцев, наряду с хеттской керамикой и печатями были обнаружены импорты микенской керамики, скорее всего пришедшие с Кипра [Özgüç 1980: 309].

Более вероятно, что разрушение второго строительного горизонта XIV в. до н. э. времен Суппилулиумы I связано с касками, так как Машат-хёюк и в прошлом часто подвергался их нападениям, что отражено в местном архиве. Ослабление центральной власти вполне могло способствовать этому, что, однако, не мешало хеттам повторно заселить город, хотя и в достаточно скромных масштабах [Özgüç 1980: 308].

В юго-восточной области бывшего Хеттского царства, где располагается один из наиболее вероятных кандидатов на роль хеттского города Циппаланда — памятник Ушаклы-хёюк [Gorny 1997: 549], складывается немного иная картина. В результате крупномасштабных археологических исследований под эгидой Флорентийского университета была получена достаточно полная картина развития поселения. Для этой статьи особенно важными являются исследования двух крупных построек хеттского времени — здания II и здания III, расположенных зеркально друг от друга на южной и северной сторонах телля. Внушительное по размерам здание II состояло по крайней мере из 16 комнат со стенами двухметровой толщины, сделанными из больших гранитных блоков [Mazzoni et al. 2018: 70]. Судя по планировке, схожей с ранними храмами Хат-

тусы (храмы № 2, 3 и 5) [Mazzoni et al. 2018: 70], здание II было храмом. В нем не было найдено ни одной находки *in situ*, никаких следов разрушений или пожаров, а само оно в конце бронзового века было заброшено [Ibid.: 70–74].

Немного по-другому дело обстоит со зданием III, расположенным на южной стороне холма Ушаклы-хёюк и построенном на искусственно сформированной террасе на каменном фундаменте. В результате двух кампаний 2015 и 2016 гг. была получена абсолютная дата из образца древесины — обгоревшей деревянной подпорки. На данный момент имеются три откалиброванные радиоуглеродные даты конца существования этой постройки — 1650–1410, 1620–1430, 1500–1200 гг. до н. э. [D’Agostino 2020: 73].

При раскопках ни в одной комнате этого здания не было найдено ни одного артефакта. Единственной уникальной находкой стали многочисленные следы пожара в некоторых комнатах в юго-восточной части здания III. Пол и стены помещений № 59, 473 и 433 подверглись столь интенсивному воздействию жара и огня, что были почти витрифицированы [Mazzoni et al. 2018: 71]. Эти следы, а также найденные обожженные кирпичи и отдельные темные пятна в других помещениях натолкнули археологов на мысль, что именно пожар положил конец существованию здания III. На первый взгляд это хорошо вписывается в нарратив о насильственном конце города. Однако отсутствие каких-либо предметов внутри здания показывает, что перед большим пожаром из него было вынесено все содержимое и впоследствии оно было заброшено [Ibid.: 73].

Пересматривая данные о разрушенном пожаром южном крыле здания III, команда исследователей Ушаклы-хёюка осторожно указала на возможность разных интерпретаций этих данных. Пожар мог быть результатом несчастного случая, так как внутреннее устройство здания (деревянные подпорки, открытый очаг и глинобитные кирпичи) вполне могло этому способствовать. На их взгляд, заброшенность здания не предполагает никакого намеренного разрушения в результате вражеского вторжения или подобных событий [D’Agostino 2020: 81].

Вопрос о судьбе данного поселения в конце бронзового века также частично решается благодаря большой коллекции фрагментов керамики, обнаруженной на территории Ушаклы-хёюка. Несмотря на то что все фрагменты сосудов позднебронзового века и раннего железного века были найдены в перетолженных слоях среднего железного века, итальянской исследовательнице Валентине Орси как раз благодаря изучению этой коллекции удалось прийти к выводу, что, в отличие от Хаттусы, где не было резкого разрыва в керамическом производстве, керамическая традиция в Ушаклы-хёюке оказалась прервана [Orsi 2020: 298].

В керамической традиции Ушаклы-хёюка произошли сильные изменения как технологического, так и художественного характера. На смену большому количеству стандартизованных сосудов пришла керамика более разнообразных форм. В раннем железном веке выделяется две группы сосудов — лепные черные и серые, а также круговая красноглиняная посуда с красным геометрическим орнаментом, которая могла быть связана с северными культурными влияниями и, возможно, касками, что, однако, крайне сложно подтвердить. Для Орси очевиден факт превращения Ушаклы-хёюка из крупного города в

поселение сельского типа с характерной переориентацией на придомное производство керамики [Orsi 2020: 298].

В юго-западном ареале Хеттского царства на рубеже веков разворачивались еще более интенсивные процессы реорганизации и трансформации. Эти процессы можно проследить на примере небольшого телья под названием Каман-Калехёюк, изучением которого с конца XX в. до нашего времени занимаются японские археологи. Команда исследователей из японского Центра культуры Ближнего Востока в 1985 г. обнаружила этот памятник и провела первые археологические работы на его территории [Omura 2011: 1095]. Согласно вычислениям примерного объема хранившегося в поселении зерна, во времена древнехеттского царства город насчитывал несколько сотен жителей и, возможно, являлся хранилищем зерна и дистрибутивным центром округа [Ibid.: 1106].

Для этого исследования прежде всего важно, что жизнь в поселении не прерывалась на протяжении всего бронзового и железного века [Kashima 2006: 171]. Несмотря на то что материалы, относящиеся к концу Хеттского царства, на памятнике сохранились крайне плохо, в слоях этого периода не было обнаружено никаких остатков разрушений. Таким образом, жизнь в поселении не оборвалась вместе с концом Хеттской державы. Однако произошли определенные изменения в образе жизни населения города.

Эти изменения прежде всего относились к производству металла. Интересно, что металлургическое производство на памятнике представлено слабо, будь то выплавка металлов или последующая обработка бронзовых или железных орудий. Только в начале железного века началась активная металлургическая деятельность, и особенно это касалось производства железа и стали [Akanuma 2006: 221].

Многочисленные металлографические исследования железных предметов из Каман-Калехёюка показали, что только в слоях первой фазы раннего железного века (слой Па) стала широко использоваться сталь, хотя она была известна задолго до этого времени [Akanuma 2006: 221]. В некоторых типах металлических предметов также появляются некоторые изменения — например, в формах наконечников стрел: в качестве чуждого элемента, возможно пришедшего с юга, исследователи Каман-Калехёюка отмечают наличие шипа у основания наконечников стрел в слоях раннего железного века [Masubuchi 2008: 292].

Кроме того, произошли заметные изменения и в керамическом производстве. Типичную хеттскую керамику в раннем железном веке постепенно замещают новые типы. Появление черной лощеной посуды уже в слое Па свидетельствует о тесных культурных контактах с югом Анатолии или даже о притоке оттуда нового населения [Shiraishi, Nakai 2006: 255]. Многочисленные импорты полихромных сосудов и черной лощеной керамики неместного производства из синхронных слоев Гордиона, которые стали эталоном для местных гончаров, говорят о возрастающем значении торговых и культурных связей с новыми центрами притяжения, возникшими на обломках прежней Хеттской державы [Grave, Kealhofer 2006: 144]. Со временем в местном производстве раннего железного века стали преобладать сосуды, изготовленные при помощи гончарного круга, с простым красным или черным красочным геометрическим орнаментом [Genz 2003: 181].

Таким образом, в Каман-Калехёюке произошел частичный возврат к местным традициям в производствах разного типа. Отсутствие каких-либо следов разрушений в слоях, синхронных по времени с исчезновением хеттской власти в регионе, показывает, что поселение продолжило существовать и в период истории Центральной Анатолии, известный как «темные века». Население города постепенно адаптировалось к новому образу жизни и устанавливало контакты с центрами, возникавшими на обломках бывшего Хеттского царства. Это отразилось в некоторых аспектах производства и в появлении нового типа импортов. Особенно заметна крепкая связь поселения в раннем железном веке с югом центрального региона.

Одним из важнейших поселений в контексте проблемы падения Хеттского царства безусловно является Гордион, расположенный на западной границе центральной области Хеттского царства. Прежде всего Гордион известен как легендарная столица Фригийского царства, однако он был крупным городским центром еще задолго до того, как фригийцы установили свою гегемонию в западной части Анатолии. К сожалению, вопреки тщательным раскопкам последних лет знания о населении Гордиона в бронзовом веке крайне ограничены из-за активной строительной деятельности в более поздние периоды существования города, и особенно в его фригийский период [Darbyshire, Pizzorno 2009: 16].

Находки печатей из мелких поселений вокруг города говорят об их тесных связях с Хеттским царством [Voigt 2011: 1075]. М. Фогт предполагает, что в период древнехеттского царства Гордион и его окрестности еще сохраняли культурную независимость, перед тем как в более позднее время полностью перейти в политическую сферу влияния хеттов [Ibid.: 1076].

Данные из слоев телля периода позднего бронзового века не отличаются особой полнотой. Единственный целый архитектурный комплекс позднебронзового века, обнаруженный в пределах холма, представлен одним домом с ямами — хранилищами для зерна [Voigt 2011: 1076]. О размерах поселения в это время говорить сложно, однако Фогт считает, что Гордион был лишь маленькой политией, находившейся в зависимости от Хеттского царства [Gunter 1991: 106].

Интересно, что при своем положении в самой западной части Центральной Анатолии и значительной удаленности от столицы Хеттского царства Гордион не подвергался никаким вражеским атакам, о чем свидетельствует полное отсутствие следов разрушения в конце бронзового и в начале железного века [Gunter 1991: 106]. Гордион, который, казалось бы, должен был находиться на первой линии миграции воинственных «народов моря», поразительным образом не прервал свое существование на рубеже эпох [Ibid.: 106]. Он не был ни разрушен, ни заброшен, о чем свидетельствует полное отсутствие сколь угодно длительного хиатуса между уровнями заселения позднебронзового и раннежелезного века [Voigt 1994: 276].

Однако в переходный период в рамках раннего железного века отмечаются существенные изменения в определенных аспектах материальной культуры, и это, по мнению Фогт, говорит о возможном притоке нового населения в город, которое или сосуществовало с уже имеющимся [Voigt 1994: 276], или же полностью его сменило [Voigt 2011: 1077]. Изменения произошли и в производ-

стве керамики: от стандартизированных форм (светло-оранжевые кувшины с удлинённым носиком и одной ручкой, пифосы, миски и тарелки с уплотнённым краем), произведённых на гончарном круге с иероглифическими оттисками хеттских мастеров, произошёл переход к лепной керамике со слабым обжигом серого или черного цвета, иногда лощёной, с редким простым геометрическим орнаментом, нанесённым слабыми вдавливаниями [Voigt 2011: 1077].

Кроме того, начиная с раннего железного века увеличивается количество импортных сосудов. В то время как в бронзовом веке население Гордиона почти полностью полагалось на собственные силы в керамическом производстве, с наступлением раннего железного века стало появляться внушительное количество различного импорта — особенно это заметно из обломков керамики, собранных во время раскопок области в цитадели [Grave et al. 2009: 2171]. Таким образом, произошёл переход к от централизованного производства керамики к домашнему, более практичному образу производства.

Изменения затронули и домостроительство. На смену прямоугольным домам с каменным фундаментом и цилиндрическими ямами-хранилищами пришли полуземлянки со стенами столбовой конструкции из органических материалов и колоколовидными ямами для хранения [Voigt 2011: 1077]. Это изменение домостроительных традиций, а особенно форм типично хеттских крупных цилиндрических ям-зернохранилищ, рассчитанных на использование большим количеством человек, — дополнительный аргумент в пользу гипотезы о частичной смене населения Гордиона.

Иными словами, Гордион является ещё одним примером хеттского поселения, которое почти не пострадало в ходе распада Хеттского царства. Тем не менее изменения, произошедшие в материальной культуре, указывает на появление новых идей, пришедших, скорее всего, извне. И хотя точно нельзя сказать, насколько сильно состав местных жителей изменился на рубеже эпох в этническом отношении, можно предположить факт притока нового населения.

Ситуация, складывавшаяся в регионе после образования политического вакуума на останках погибшего Хеттского царства, была непростой и развивалась по разным сценариям. Естественно, вместе с упадком столичного города и конечным коллапсом центральной административной системы крупные хеттские городские центры в Анатолии были вынуждены приспосабливаться к резким геополитическим изменениям. Насколько легко было к ним приспособиться, во многом определялось степенью зависимости поселения от центральной власти и его экономическим потенциалом.

Если говорить о центральной области Хеттского царства, где были сконцентрированы все основные политические силы государства, его административный аппарат и храмовые центры, то именно его судьба в конце бронзового века вызывает наибольшие вопросы. Как было показано выше, на протяжении длительного времени в историографии считалось, что хеттскую столицу постигла внезапная и скоростежная гибель: город был в одночасье захвачен и уничтожен племенами воинственных пришельцев. Однако сейчас на эти события смотрят иначе: многие специалисты полагают, что никакого штурма и сожжения Хаттусы не было, город был покинут элитой, ремесленниками и жрецами, после чего постепенно приходил в упадок. Это процесс оказался весьма растянутым во времени.

Последние археологические исследования показали, что столичный город и его округа недолго оставались заброшенными. Нельзя исключить, что местные жители, которые не были тесно связаны с административным аппаратом центральной власти, вскоре вернулись в заброшенные поселения, где им пришлось приспосабливаться к новым этническим, культурным и политическим реалиям.

В самой Хаттусе жизнь в раннем железном веке также продолжилась, на территории Богазкёя были обнаружены следы проживания как в Верхнем городе, так и на холме Бююккая. Точно неизвестно, насколько сильно изменилась этническая картина в столичном регионе. Судя по керамике, хеттское население не спешило исчезать, но сказать, какой процент жителей бывшей Хаттусы было хеттским, на основании одной лишь керамики достаточно трудно. Поскольку материальная культура соседних племен касков, нападения которых вполне могли сыграть роль в упадке центральных областей Хеттского царства, еще не выделена археологами, невозможно со всей определенностью утверждать, были ли они частью поселенцев на территории столичной округи в раннем железном веке.

В то время как в столичной области кризис привел к заметному упадку городской культуры, для некоторых поселений Центральной Анатолии без значительного присутствия чиновников и жрецов, например, таких как Каман-Калехёюк, удаленность от центра в условиях кризиса послужила скорее толчком к развитию. Конечно, это развитие шло уже в другом русле, и налицо была определенная трансформация в ряде аспектов хозяйственной деятельности и культурных практик. Однако эта трансформация говорит лишь о продолжении и преемственности жизни в поселении и вовсе не свидетельствует об упадке.

На юге, в Каппадокии, поселения, входившие до распада Хеттского царства в сферу влияния царства Тархунтассы, обладали собственными сильными властными структурами. Весьма возможно, что из-за этого после распада хеттского государства местная элита смогла сохранить свои полномочия и удержать контроль над обществом. Избавление от пресса со стороны центральной власти, подавлявшей тенденцию к децентрализации, скорее всего, позволило преумножить локальные ресурсы и использовать их для собственного развития.

В случае же с западным ареалом, а именно с Гордионом, ситуация представляется более сложной. То, что в начале железного века многие стороны материальной культуры в Гордионе плавно трансформировались, а жизнь в поселении не прерывалась на сколько-нибудь длительный срок, говорит не только об устойчивости этого города перед лицом изменения политической ситуации, но также о возможных притоках в него нового населения. С уверенностью можно констатировать лишь одно — процесс перемен, затронувший западную часть Хеттского царства после его падения, был глубоким и масштабным. Эти перемены еще не до конца изучены и потому открыты для самых разных интерпретаций.

Местные общины привыкали к жизни вне рамок хеттской административно-хозяйственной системы, в ряде случаев в соседстве и в сотрудничестве с новым населением. Некоторые из таких общин даже смогли извлечь выгоду из новых условий: археология позволяет проследить их определенное процвета-

ние. Перед лицом таких фактов возникает вопрос о правомерности использования термина «кризис», который уже является хрестоматийным для данного периода по отношению ко всей территории бывшего Хеттского царства на стыке эпох позднебронзового и раннежелезного века.

За долгие годы изучения проблемы падения Хеттского царства сложилось несколько основных концепций первопричин этого события. Как уже указывалось в начале статьи, существует значительный разрыв между данными археологии и письменными свидетельствами относительно данного вопроса. На протяжении длительного времени историки строили свои концепции, опираясь преимущественно на данные письменных источников, а археологические материалы привлекались ими выборочно, как правило для подтверждения уже сложившихся теорий.

Концепция миграций и военных конфликтов является одной из самых популярных гипотез, объясняющих причины падения Хеттского царства. Это связано с тем, что она очень удачно вписывается в исторический нарратив, построенный на письменных источниках. Выборочные археологические данные с определенных теллей в Центральной Анатолии частично поддерживают эту гипотезу. И все же существует неоднозначность в этом вопросе по ряду причин.

Во-первых, не во всех поселениях были обнаружены следы разрушения в слоях конца бронзового — начала железного века. Во-вторых, даже если они присутствуют, не во всех случаях их можно определенно интерпретировать как последствия внешних атак [Millek 2019: 159]. В-третьих, археологические последствия миграций иногда тяжело определить из-за плохой сохранности материалов. Также можно отметить, что сторонники решающей роли миграций реконструируют характер этих миграций почти исключительно по данным письменных и изобразительных источников из Египта. По их мнению, переселения были своего рода волной, затопившей все территории Восточного Средиземноморья, уничтожив на своем пути все крупные государства.

Между тем в теоретических работах по археологии миграций высказывались призывы восстанавливать ход древних переселений с учетом верифицируемых данных современной демографии и социологии. Согласно этим данным, в большинстве случаев переселения на дальние расстояния носят не лавинообразный и ковровый характер, а подчиняются тактике «резких скачков»: группы переселенцев направляются в разведанные авангардом места, более привлекательные по сравнению с исходным местообитанием, не останавливаясь и не оседая по ходу своего маршрута [Anthony 1990].

Историография проблемы падения Хеттского царства в своем развитии прошла несколько стадий. Первоначально, в первые десятилетия становления хеттологии (1910–1930-е годы), изложение этой темы опиралось на наследие науки XIX — начала XX в., а именно на гипотезу масштабных этнических миграций в конце позднебронзового века, реконструируемых на основе египетских, библейских и античных письменных источников. Первые данные археологов о разрушениях в позднебронзовых слоях Хаттусы и некоторых других теллей были встроены в этот исторический нарратив. Следующий этап (1950–1980-е годы) характеризовался постепенным пополнением археологического материала и первыми попытками его обобщения с точки зрения археологии.

На этом этапе в историографии также безраздельно царила концепция разрушительных переселений и вооруженных конфликтов как главного фактора, вызвавшего гибель Хеттского царства.

Лишь с конца 1990-х годов в хеттской археологии начали заявлять о себе новые подходы, предлагавшие альтернативное видение кризисных процессов на рубеже позднего бронзового и раннего железного века в Анатолии. Для этого этапа (с конца 1990-х до настоящего времени) характерны критическое переосмысление уже накопленного материала, радикальное расширение базы источников (за счет открытия новых раскопок), возникновение новых объяснительных моделей, в том числе предлагающих переоценку важности археологических данных как исторического источника.

Таким образом, говоря о крушении империи хеттов в конце бронзового века, необходимо помнить, что этот процесс был неоднородным и протекал по-разному в разных регионах Центральной Анатолии. В некоторых областях бывшего Хеттского царства события развивались по катастрофическому сценарию, предполагавшему разрушение городов и массовый исход из них населения. Однако для других областей справедливее говорить о процессах адаптации и трансформации.

Местные общины привыкали к жизни вне рамок хеттской административно-хозяйственной системы, в ряде случаев в соседстве и в сотрудничестве с новым населением. Некоторые из таких общин даже смогли извлечь выгоду из новых условий: археология позволяет проследить их определенное процветание. Перед лицом таких фактов возникает вопрос о правомерности использования термина «кризис» по отношению ко всей территории бывшего Хеттского царства на стыке эпох позднебронзового и раннежелезного века.

References

- Akanuma, H. (2006). Changes in iron use during the 2nd and 1st millennia B. C. at Kaman-Kalehöyük, Turkey: Composition of iron artifacts from stratum III and stratum II. *Anatolian Archaeological Studies*, 15, 207–222.
- Alaura, S. (2020). The much-fabled end of the Hittite Empire. Tracing the history of a crucial topic. In S. de Martino, & E. Devecchi (Eds.). *Anatolia between the 13th and the 12th Century BCE* (pp. 9–30). LoGisma.
- Anthony, D. (1990). Migration in archeology: The baby and the bathwater. *American Anthropologist*, 92(4), 895–914.
- Bittel, K. (1976). Das Ende des Hethiterreiches auf grund archäologischer Zeugnisse. In H. Müller-Karpe (Ed.). *Jahresbericht des Instituts für Vorgeschichte der Universität Frankfurt* (pp. 36–53). C. H. Beck. (In German).
- D'Agostino, A. (2020). Tracing fire events and destructions of Late Bronze Age date: The end of the Hittite building on the citadel of Uşaklı Höyük. In S. de Martino, & E. Devecchi (Eds.). *Anatolia between the 13th and the 12th century BCE* (pp. 69–93). LoGisma.
- Darbyshire, G., & Pizzorno, G. (2009). Gordion in history. *Expedition Magazine*, 51(2), 11–22.
- Freu, J. (2006). *Histoire politique du royaume d'Ugarit*. Harmattan. (In French).
- Genz, H. (2003). The Early Iron Age in Central Anatolia. In B. Fischer, H. Genz, É. Jean, & K. Köroğlu (Eds.). *Identifying changes: The transition from Bronze to Iron Ages in Anatolia and its neighbouring regions* (pp. 179–191). Türk Eskiçağ Bilimleri Enstitüsü.

- Glatz, C., & Matthews, R. (2005). Anthropology of a frontier zone: Hittite-Kaska relations in Late Bronze Age North-Central Anatolia. *Bulletin of the American Schools of Oriental Research*, 339, 47–65.
- Gorny, R. L. (1997). Zippalanda and Ankuwa: The geography of Central Anatolia in the second millennium B. C. *Journal of the American Oriental Society*, 117(3), 549–557.
- Grave, P., Kealhofer, L., Marsh, B., Sams, K., Voigt, M., & Devries, K. (2009). Ceramic production and provenience at Gordion, Central Anatolia. *Journal of Archaeological Science*, 36(10), 2162–2176.
- Grave, P., & Kealhofer, L. (2006). Investigating Iron Age trade ceramics at Kaman-Kalehöyük. *Anatolian Archaeological Studies*, 15, 139–150.
- Gunter, A. (1991). *The Gordion excavations, 1953–1973: Final reports, Vol. 3, The Bronze Age*. Univ. [of Pennsylvania] Museum.
- Kashima, K. (2006). Palaeo-environmental changes at Kaman-Kalehöyük, Central Anatolia, Turkey — geo-archaeological survey in 2004 and 2005. *Anatolian Archaeological Studies*, 15, 171–180.
- Koşay, H. Z., & Akok, M. (1947). The pottery of Alaca Höyük. *American Journal of Archaeology*, 51(2), 152–157.
- Masubuchi, M. (2008). A metallographic study on iron and steel arrowheads from Kaman-Kalehöyük stratum II. *Anatolian Archaeological Studies*, 17, 281–294.
- Mazzoni, S., D'Agostino, A., & Orsi, V. (2018). New results from the excavations season 2016 at Uşaklı Höyük (Yozgat). *Kazı Sonuçları Toplantısı*, 39(3), 69–82.
- Mielke, D. P. (2011). Key sites of the Hittite Empire. In S. R. Steadman, & G. McMahon (Eds.). *The Oxford handbook of Ancient Anatolia* (pp. 1031–1054). Oxford Univ. Press.
- Millek, J. M. (2019). Destruction at the end of the Late Bronze Age in Syria: A reassessment. In P. Matthiae (Ed.). *Studia Eblatica: Studies on the archaeology, history, and philology of Ancient Syria*, 5, 157–190.
- Miller, J. (2020). Are there signs of the decline of the late Hittite state in the textual documentation from Hattuša? In S. de Martino, & E. Devecchi (Eds.). *Anatolia between the 13th and the 12th century BCE* (pp. 237–256). LoGisma.
- Omura, S. (2011). Kaman-Kalehöyük excavations in Central Anatolia. In S. R. Steadman, & G. McMahon (Eds.). *The Oxford Handbook of Ancient Anatolia* (pp. 1095–1111). Oxford Univ. Press.
- Orsi, V. (2020). The transition from the Bronze to the Iron Age at Uşaklı Höyük: The ceramic sequence. In S. de Martino, & E. Devecchi (Eds.). *Anatolia between the 13th and the 12th Century BCE* (pp. 71–316). LoGisma.
- Özgüç, T. (1980). Excavations at the Hittite site, Maşat Höyük: Palace, archives, Mycenaean pottery. *American Journal of Archaeology*, 84(3), 305–309.
- Schachner, A. (2011). *Hattuscha. Auf der Suche nach sagenhaften Großreich der Hethiter*. C. H. Beck. (In German).
- Schachner, A. (2020). Die Ausgrabungen in Boğazköy-Hattuša 2019. *Archäologischer Anzeiger*, 1, 11–66. (In German).
- Seeher, J. (2001). Die Zerstörung der Stadt Hattuša. In G. Wilhelm (Ed.). *Akten des IV. Internationalen Kongresses für Hethitologie, Würzburg, 4.–8. Oktober 1999* (pp. 623–634). Harrasowitz. (In German).
- Seeher, J. (2010). After the empire: Observations on the Early Iron Age in Central Anatolia. In I. Singer (Ed.). *Ipamati kistamati pari tumatimis: Luwian and Hittite studies presented to J. David Hawkins on the occasion of his 70th birthday* (pp. 220–229). Emery and Claire Yass Publications in Archaeology.

- Shiraishi, K. & Nakai, I. (2006). The production technique of fine black polished wares from Kaman-Kalehöyük, Part 2. *Anatolian Archaeological Studies*, 15, 255–261.
- Voigt, M. (1994). Excavations at Gordion 1988–89: The Yassihöyük stratigraphic sequence. In A. Çilingiroğlu, & D. H. French (Eds.). *Anatolian Iron Ages 3: The proceedings of the Third Anatolian Iron Ages Colloquium held at Van, 6–12 August 1990* (pp. 265–287). British Institute of Archaeology at Ankara.
- Voigt, M. (2011). Gordion: The changing political and economic roles of a first millennium B. C. E. city. In S. R. Steadman, & G. McMahon (Eds.). *The Oxford handbook of Ancient Anatolia* (pp. 1069–1094). Oxford Univ. Press.

* * *

Информация об авторе

Анастасия Игоревна Мищенко

студентка, 1-й курс магистратуры,
Институт классического Востока и
античности, факультет гуманитарных
наук, Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»
Россия, 105066, Москва, ул. Старая
Басманная, д. 21/4, стр. 3
Тел.: +7 (495) 772-95-90 *23471
✉ aimischenko_3@edu.hse.ru

Information about the author

Anastasia I. Mishchenko

Master's Degree Student, Centre of Classical
and Oriental Archaeology, Faculty
of Humanities, National Research University
Higher School of Economics
Russia, 105066, Moscow, Staraya
Basmannaya Str., 21/4
Tel.: +7 (495) 772-95-90 *23471
✉ aimischenko_3@edu.hse.ru